

Ф.О. Трунов

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РФ И ФРГ ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ ВООРУЖЁННЫХ
КОНФЛИКТОВ: ДВИЖЕНИЕ К НОВОМУ УРОВНЮ ДОВЕРИЯ?**

Аннотация. В статье отмечается возникновение «окна возможностей» на рубеже 2010–2020-х годов для развития взаимодействия России и Германии в области урегулирования вооруженных конфликтов. Наращивание мер, в том числе военных, по взаимному сдерживанию стран Евро-Атлантического сообщества и России в реалиях новой «холодной войны» достигло состояния стабилизации в 2017–2018 гг. На этом фоне осознание сторонами общей опасности, исходящей из очагов нестабильности в Европе, на Ближнем Востоке и Северной Африке, стимулировало потенциальный рост их взаимодействия.

Задача статьи – изучить использование двумя странами открывшегося «окна возможностей» на примере украинского (уже существовавшего с 2014–2015 гг.) и ливийского (вновь возникшего в диалоге) направлений. В рамках первого исследуется перезапуск «Нормандской четверки» и проведения в этом формате переговоров на высшем уровне 9 декабря 2019 г., их значение и результативность. Раскрываются причины фактического дистанцирования Германии от решения «ливийского вопроса» в 2010-х годах и особенности пересмотра данной линии благодаря использованию потенциала отношений с РФ. В связи с этим изучается ход подготовки и основные вехи Берлинской конференции по Ливии 19 января 2020 г., а также последующие действия ФРГ на данном направлении.

Делается вывод о промежуточных результатах, в том числе «проблемных узлах» российско-германского взаимодействия в сфере урегулирования вооруженных конфликтов и перспективах его активизации по завершении эпидемии коронавируса.

Ключевые слова: Россия; Германия; «окно возможностей»; вооруженные конфликты; Украина; «Нормандский формат»; Ливия; Берлинская конференция.

Трунов Филипп Олегович – кандидат политических наук,
старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки,
Институт научной информации по общественным наукам РАН
(ИНИОН РАН), Россия, Москва.
E-mail: 1trunov@mail.ru
Scopus Autor ID: 57211605240
Web of Science Researcher ID: AAC-7844-2020

Trunov Ph.O. The interaction between Russia and Germany in the sphere of armed conflicts resolution: Moving to a new level of confidence?

***Abstract.** The article considers the emergence of the «window of opportunity» at the turn of the 2010s–2020s for cooperation between Germany and Russia in the sphere of armed conflict resolution. The countries of the Euro-Atlantic community and the Russian Federation in the realities of the new Cold War have reached rather stabilized level in their activities for mutual containment (including the realization of military measures) by 2017–2018. Against this background, the awareness by both countries the new quality of danger from the focal points of instability in Europe, in the Middle East and North Africa has stimulated the potential growth of their cooperation.*

The goal of the article is to explore the usage by Germany and Russia of opened «window of opportunity» on the examples of Ukrainian (existed since 2014–2015) and Libyan directions. In this regard the scientific paper investigates the re-launch of «Normand Format» and its usage for the negotiations at the highest level 9 December 2019, the importance and results of this meeting. The article also covers the reasons of German distance from a decision of «Libyan problem», and the features of revision of this line by the usage of potential of relations with Russia. In this regard the article explores the preparation and key results of Berlin conference on Libya (January, 19, 2020) and the following German actions.

The article concludes about interim results including problems in German-Russian cooperation in the sphere of armed conflict resolution and the perspectives of its activation after COVID-19 epidemic.

Keywords: Russia; Germany; the «window of opportunity»; armed conflicts; Ukraine; «Normand Format»; Libya; Berlin conference.

**Trunov Philipp Olegovich – Candidate of Political Sciences,
Senior Researcher, the Department of Europe and America,
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Russia, Moscow.
E-mail: ltrunov@mail.ru Scopus Autor ID: 57211605240
Web of Science Researcher ID: AAC-7844-2020**

В 2010-х годах к числу ключевых точек роста напряженности в отношениях Евро-Атлантического сообщества и РФ, приведших с 2014 г. к возникновению и развитию полноценной конфронтации, относились глубокие расхождения по вопросам урегулирования вооруженных конфликтов – прежде всего сирийского (с 2011 г.) и на востоке Украины (с 2014 г.). В их тени также находились иракский (де-факто с 2003 г., получил новый импульс к развитию с 2014 г.) и ливийский (с 2011 г.) конфликты. Все они несли в себе значительные риски безопасности – как сами по себе, будучи источниками многочисленных угроз нестабильности (укрепления структур международного терроризма, сопровождаемого попытками распространения их ячеек вовне и провоцирования мощных неконтролируемых волн миграции) для стран За-

пада и РФ, так и содержа в себе потенциал для усиления их конфронтации. Вместе с тем вооруженные конфликты, создавая географические отрезки для огромных дуг нестабильности: Сахель (Мали, Нигерия) – Северная Африка (Ливия) – Ближний Восток (Сирия, Ирак) – Средний Восток (Афганистан) – открывали и потенциальное «окно возможностей» для взаимодействия и даже сотрудничества стран – участниц Евро-Атлантического сообщества и России по решению данных проблем. Соответственно, общим знаменателем такой координации усилий выступало общее стремление к снижению или как минимум жесткому лимитированию тех объемов рисков, которые исходили для обеих сторон из вновь возникавших зон нестабильности.

Задачей данной статьи является исследование особенности и перспективы взаимодействия РФ и ФРГ в данной области в конце 2010-х – начале 2020-х годов на примере украинского и ливийского конфликтов. Выбор Германии обусловлен, во-первых, тенденцией устойчивого в целом роста ее влияния как на региональных уровнях, так и в глобальном смысле: страна представляет собой пример единственной «восходящей державы» из числа наиболее влиятельных игроков Евро-Атлантического сообщества.

Во-вторых, следует принять во внимание, что ФРГ стала своего рода мостом функций «моста» при выстраивании отношений «коллективного» Запада и СССР в годы «классической» холодной войны [Фалин 2016]. Наиболее отчетливо эта схема проявилась дважды: в период «разрядки» конца 1960-х – середины 1970-х годов и попыток отхода от парадигмы конфронтации на рубеже 1980–1990-х годов. В обоих случаях Боннская республика сумела извлечь из своего положения определенную выгоду. Так, в 1989–1990 гг. она была достаточно значительной в объединение Германии под эгидой ФРГ и предоставление ей де-юре полного суверенитета (включая принятие СССР обязательства по полному выводу своих войск из «новых земель») [Договор 1991]. При этом не следует забывать и об «оборотной стороне медали»: стремление к нормализации политических отношений и наращиванию объемов экономического сотрудничества с Советским Союзом сопровождалось для ФРГ последовательным выполнением своих военных обязательств по линии НАТО. Так, в период «разрядки», как это ни парадоксально, Боннская республика продолжала динамично наращивать свой военный потенциал (см.: [Weißbuch 1972]). Возникшее противоречие снимается, если рассматривать целью ФРГ институционализацию отношений Запада и СССР с учетом неизбежности сохранения конфронтации на длительную перспективу. Активно двигаться в данном направлении Боннская республика стала по прошествии достаточно длительного времени с начала «классической» холодной войны, когда уже не только вырисовалась общая конфигурация противостояния Запада и Востока, но и схема участия в нём ФРГ.

Таким образом, в данной статье попытаемся ответить на вопрос: может ли Федеративная Республика Германия вновь принять на себя функции моста между Западом и Россией в реалиях нового масштабного и обещающего стать длительным противостояния между ними?

Основным научным методом для решения поставленной задачи стал инвент-анализ, используемый прежде всего для анализа динамики значимых шагов политико-дипломатического характера.

Вопросы урегулирования вооруженных конфликтов в Украине, в Сирии, Ираке, Ливии достаточно подробно освещены в работах как отечественных, так и западных, в том числе германских, исследователей. Вместе с тем «в тени» оставались вопросы состояния и особенно перспектив развития взаимодействия РФ и ФРГ на данных направлениях (особенно трех последних) [Asseburg, Lacher, Transfeld 2018, p. 15–25, 27–42]. При этом стабильно сохранялось скептическое отношение к возможности «прорыва» переговоров даже на одном направлении [Stewart 2016; Fischer 2019, Asseburg, Lacher, Transfeld 2018, p. 25–27, 40–42, 58–59]. Однако признаки существенной интенсификации российско-германского взаимодействия практически по всем трекам просматривались уже с середины 2019 г., что стало одним из ключевых двигателей успешного урегулирования в целом.

Рубеж 2010–2020-х годов: Обращение к потенциальному «окну возможностей»

Миграционный кризис 2015–2016 гг. в ЕС, тесно связанный с ростом террористической активности на территории государств – членов объединения (наиболее крупные акции были осуществлены в Париже 13 ноября 2015 г., Брюсселе 22 марта 2016 и Ницце 14 июля 2017 г.), отчетливо продемонстрировал экзистенциальный, а отнюдь не потенциальный характер отмеченных угроз нестабильности. Однако даже на этом фоне стороны во второй половине 2010-х годов весьма ограниченно использовали потенциальное «окно возможностей», открывавшееся в связи с необходимостью урегулирования вооруженных конфликтов. Безусловно, в условиях «замораживания» как Евро-Атлантическим сообществом (на уровне институтов (ЕС, НАТО), так и отдельными государствами) большинства политико-дипломатических каналов взаимодействия с РФ. «Нормандский формат» (создан 6 июня 2014 г.) сыграл роль амортизатора в условиях эскалации напряженности в отношениях Запада и России летом-осенью 2014 г., не допустив ее неконтролируемого роста. Функционируя по схеме «1+2+1» (Украина – тандем Германии и Франции – Россия), механизм «Нормандской четверки» смог обеспечить выработку соглашения «Минск-2» (12 февраля 2015 г.). Несмотря на значительные трудности с имплементацией его положений, документ остается «дорож-

ной картой» для урегулирования вооруженного конфликта на востоке Украины [Stewart 2016]. Однако в работе «Нормандского формата» с первой половины 2017 г. стала наблюдаться стагнация: резко сократилось число встреч «четверки» на высшем уровне (в 2017 – первой половине 2019 г. была проведена лишь одна – 29 марта 2018 г.)¹.

В Месопотамии – в середине 2010-х годов в борьбе со структурами международного терроризма (прежде всего, в лице «Исламского государства»²) – наблюдалось параллельное осуществление боевых операций двух коалиций: второй западной антитеррористической (создана по инициативе США в сентябре 2014 г.) и РФ, правительства САР и ИРИ (де-факто возникла с момента использования группировки Вооруженных Сил России в Сирии 30 сентября 2015 г.). При этом если страны Евро-Атлантического сообщества действовали прежде всего на иракском театре военных действий и в существенно меньшем объеме на сирийском, то коалиция РФ – правительства САР – ИРИ, напротив, основные усилия прилагала именно на нем. При этом стороны неоднократно подвергали весьма жесткой критике действия друг друга: так, глава МИД ФРГ Ф.-В. Штайнмайер обвинил Иран и Россию в затягивании штурма Алеппо в ноябре-декабре 2016 г. и в создании угрозы гуманитарной катастрофы, призывая к немедленному прекращению боев [Außenminister Steinmeier 2016]. Де-факто одним из целеполаганий данных дипломатических демаршей являлось стремление к недопущению полного разгрома небольших военных сил «умеренной» оппозиции (часть которой была связана с отрядами группировок международного терроризма).

Отношение к использованию потенциального «окна возможностей» стало резко изменяться в ноябре 2019 – январе 2020 г.: со стороны группы стран Запада (прежде всего, Германии) наблюдалось резкое увеличение интереса к вопросам урегулирования вооруженных конфликтов. Так, 9 декабря 2019 г. в Париже произошла новая встреча «Нормандской четверки» [Pressekonferenz von VK'in 2019], а 19 января 2020 г. в Берлине были проведены многосторонние переговоры по решению «ливийской проблемы» [Einigung 2020]. Чем обусловлены эти перемены именно на рубеже 2019–2020 гг.? Прежде всего: закреплением на определенном уровне после 2017 г. масштаба конфронтации Запада и России как в целом, так и в отдельных областях. Речь идет, в первую очередь, как об экономической (снижение масштаба введения новых санкций ЕС в отношении РФ), так и общеполитической – восстановление части «замороженных» ранее переговорных форматов и даже учреждение новых – Сочинского (с 2017 г.), плоскостях. Заметное замедление темпов реализации

1. Рассчитано автором на основе сайта Ведомства федерального канцлера (URL: <http://www.bundestkanzleramt.de>).

2. Запрещенная в России террористическая организация.

новых мер с целью усиления конфронтации наблюдалось и военной сфере. В соответствии с решениями Уэльского саммита НАТО (4–5 сентября 2014 г.) происходило наращивание потенциала сил быстрого реагирования (с формальным «потолком» численности в 40 тыс. военнослужащих), т.е. второго стратегического эшелона войск блока [Wales Summit 2014]. На Варшавском саммите (8–9 июля 2016 г.) была определена архитектура сил передового развертывания, дислоцируемых вблизи восточных рубежей Альянса, т.е. в странах Балтии, Польше, Румынии и Болгарии [Warsaw Summit 2016]. Наконец, на Брюссельском саммите НАТО (11–12 июля 2018 г.) было принято решение о дополнительном наращивании оперативно-тактических резервов (по формуле 30×4, т.е. по 30 боевых единиц – батальонных тактических групп, авиационных эскадрилий, боевых кораблей, штабов) с готовностью в 2021 г. [Brussels Summit 2018]. Соответственно, скорость создания новых и рост суммарного масштаба многонациональных сил и объектов военной инфраструктуры НАТО – как в глубине зоны ответственности Альянса, так и на его восточных рубежах – уменьшились к началу 2020-х годов. Одна из объективных причин этого – нехватка войск у европейских стран – участниц НАТО для обеспечения мира и порядка в зонах вооруженных конфликтов (прежде всего, в Мали и Афганистане) с учетом передачи значительной части наиболее боеспособных сил в состав военных механизмов Североатлантического альянса в Европе. Так, численность личного состава бундесвера, используемого вне зоны ответственности НАТО, в 2014–2019 гг. сократилась в 2 раза примерно с 7,0 до 3,5 тыс. военнослужащих (см.: [Anzahl 2019]). Результатом этого и стала необходимость наращивания иных – прежде всего, политико-дипломатических – усилий на треках урегулирования с целью компенсации негативного эффекта от снижения объемов собственно военных мер миротворческого характера.

Если само «замирание» уровня конфронтации наблюдалось уже с 2018 г., то осознание этого факта сторонами (как на Западе, так и в России) произошло лишь с 2019 г. Причем, как показала активизация переговорного процесса, обе стороны стремились избежать дальнейшего значительного роста напряженности выше данной черты, что во многом обусловлено внутренними факторами. В случае РФ это, прежде всего, решение масштабных «застарелых» социально-экономических проблем, что было обозначено в послании Президента России В.В. Путина Федеральному Собранию в 2020 г. [Послание Президента 2020]. В Германии наблюдается тенденция постепенной, но неуклонной потери электоральной поддержки ключевыми центристскими политическими партиями – блоком ХДС / ХСС и СДПГ – в пользу оппозиционных, в том числе фланговых (прежде всего, «Альтернативы для Германии» и «Левой» партии) (см.: [Ergebnisse 2019]). Иллюстрацией этой тенденции стал первый в истории ФРГ полугодичный (!) кризис с формированием пра-

вительства после выборов в Бундестаг 24 сентября 2017 г. (до первой декады марта 2018 г.). Соответственно, эти факторы обуславливают заинтересованность обеих сторон – причем германской в не меньшей степени, чем российской – в налаживании взаимодействия в области урегулирования вооруженных конфликтов. Помимо фактического результата для официального Берлина исключительно важен имиджевый эффект как демонстрация способности действующей элиты особенно в крайне сложный период транзита власти от А. Меркель к ее будущим преемникам решать сложные проблемы международной безопасности. Реальные достижения германской дипломатии и их освещение в СМИ были крайне значимы для ФРГ в условиях глубокого и приобретшего к началу 2020-х годов затяжной характер кризиса ее отношений с США при администрации Д. Трампа.

Именно к началу 2020-х годов 45-й президент США был временно вынужден перейти от сугубо наступательной дипломатии к частично оборонительной. Трампизм представляет линию, нацеленную на достижение максимально быстрых и полных тактических результатов, причем даже в ущерб стратегическим приоритетам – как США, так и Евро-Атлантического сообщества в целом. Общим знаменателем кажущихся на первый взгляд хаотичными (и в реальности отчасти являвшихся таковыми) действий 45-го президента Соединенных Штатов выступало стремление к укреплению, в том числе возвращению, национального суверенитета в его классическом понимании. Обладая мышлением бизнесмена и де-факто придерживаясь парадигмы неореализма применительно к международным отношениям (а в ряде случаев и ортодоксального реализма), Д. Трамп демонстрировал критическое отношение не только к многосторонним форматам, но «стратегическим сделкам» и формулам, выработанным коллективно странами – участницами НАТО и ЕС в целом. Соответственно, его внешнеполитические шаги, в том числе по вопросам урегулирования вооруженных конфликтов, неоднократно шли вразрез с линией государств – членов и институтов Евро-Атлантического сообщества, порождая для них широкий спектр вызовов, вплоть до «стратегических шоков» для формальных союзников по НАТО. Иллюстрацией «особой линии» администрации Д. Трампа является его решение по запуску миссии специального представителя Государственного департамента США по Украине К. Волкера (июль 2017 г.; по сути, данный дипломат являлся личным эмиссаром президента). Эта структура представляла собой механизм, параллельный и во многом конкурировавший с «Нормандским форматом», притом не строивший свою работу на признании соглашения «Минск-2» как «краеугольного камня» урегулирования конфликта на востоке Украины. Показательно в связи с этим уже отмеченное снижение частоты контактов «четверки» в первой половине 2017 – первой половине 2019 г. Их активизации, помимо смены власти в Украине (победа В. Зеленского на

президентских выборах, и успех созданной им партии «Слуга народа» в ходе выборов в Верховную Раду) способствовала отставка К. Волкера со своего поста 27 сентября 2019 г. С точки зрения автора, именно она придала мощный импульс перезапуску «Нормандского формата» в Париже (9 декабря 2019 г.). Косвенным подтверждением тому служит динамика изменения частоты телефонных переговоров А. Меркель и В.В. Путина: если в феврале – сентябре 2019 г. их было всего два, то за короткий период времени с 19 октября по 11 ноября – три³.

Что касается Ливии, то администрация Д. Трампа вынуждена была смягчить линию в отношении Ирана [Remarks 2020] после убийства в результате ракетного обстрела США иранского генерала Касема Сулеймани 3 января 2020 г. Трамп вновь стал объектом масштабной как внутренней (со стороны фракции Демократической партии в Конгрессе), так и внешней критики. Именно это обстоятельство привело к частичной парализации деятельности американской администрации на «Большом» Ближнем Востоке. Тем самым было открыто «окно возможностей» для ФРГ, которое А. Меркель попыталась использовать в ходе визита в Москву 11 января 2020 г. (договоренность об этой поездке была озвучена 6 января) и последующей Берлинской конференции по Ливии 19 января 2019 г. [Bundeskanzlerin Merkel reist nach Moskau 2020].

В связи с этим следует подчеркнуть, что к началу 2020 г. администрация Д. Трампа в принципе уже израсходовала значительную часть потенциального запаса решений, могущих быть воспринятыми в качестве «шоковых». Не менее важна и тенденция успешной адаптации к ним со стороны Германии – зигзагообразные действия 45-го президента США стали легче прогнозироваться и, главное, не вызывать длительных пауз для осмысления со стороны официального Берлина.

Возобновление работы «Нормандского формата»: новое прочтение устоявшейся формулы?

На фоне динамичного транзита власти в Украине – сначала президентской и исполнительной, а затем и законодательной – германо-французский тандем обозначил интерес к активизации работы в формате «Нормандской четверки». Впервые это было осуществлено в ходе совместных телефонных переговоров канцлера ФРГ А. Меркель, президента Франции Э. Макрона и президента России В.В. Путина 21 мая 2019 г. [Bundeskanzlerin Merkel telefoniert 2019]. Проведя предварительные консультации со вступившим в долж-

3. Рассчитано автором на основе сайта Ведомства федерального канцлера (<http://www.bundeskanzleramt.de>).

ность президента Украины В. Зеленским, А. Меркель и Э. Макрон подчеркнули приверженность выполнению «Минска-2», выразив в связи с этим обеспокоенность решением РФ выдавать свои паспорта населению Донецкой и Луганской народных республик [Bundeskanzlerin Merkel telefoniert 2019]. Фактически германо-французский тандем вернулся к схеме «челночной дипломатии», т.е. переговоров по формуле «2+1» поочередно с Россией и Украиной, которая использовалась при наличии угрозы «затормаживания» работы «Нормандского формата». В данном случае наиболее сложной задачей (формально «домашним заданием») для германо-французского тандема являлось обеспечение не только декларативной, но особенно и фактической приверженности официального Киева при президенте В. Зеленском выполнению «Минска-2».

При этом германский канцлер и французский президент приветствовали возможность восстановления РФ как полноправного (с возможностью голосовать) государства – члена Совета Европы [Bundeskanzlerin Merkel telefoniert 2019]. Тем самым официальные Берлин и Париж подавали «сигнал» о стремлении к хотя бы частичной «разморозке» переговорных площадок с Россией.

В условиях смены верхних эшелонов власти в Украине германо-французский тандем и РФ стали взаимно зондировать почву для активизации использования, а по сути перезапуска «Нормандского формата». Принципиально это было согласовано в сентябре–ноябре 2019 г., что фиксировалось в ходе телефонных переговоров А. Меркель и В.В. Путина 11 ноября 2019 г. [Bundeskanzlerin Merkel telefoniert 2019a]. Встреча была назначена на 9 декабря 2019 г. с проведением ее в Париже, что отражало перспективы развития отношений двух западноевропейских держав в дальнейшем функционировании «Нормандской четверки».

Переговоры состоялись в целом согласно плану, причем участие в них А. Меркель отдельно освещалось Ведомством федерального канцлера – подобная процедура применялась лишь в отношении наиболее значимых дипломатических акций. Встреча продолжалась почти 8 часов (!), по этому показателю лишь в 1,5 раза уступая подготовке «Минска-2» (12 февраля 2015 г.). Сначала переговоры проходили по схеме «1+2+1», затем «1+1» (Украина – Россия), затем вновь были продолжены в формате «четверки».

Каковы основные задачи встречи и насколько полно они были выполнены? Прежде всего речь шла о демонстрации приверженности «Минску-2» с признанием факта его «пробуксовывания» [Fisher 2019; Stefart 2016], что отнюдь не обнуляло ценности этих договоренностей. В этом были заинтересованы как РФ, так и германо-французский тандем. Де-юре данная, базовая и наиболее общая, задача была выполнена – все эти положения на встрече 9 декабря были приняты президентом В. Зеленским [Pressekonferenz...9. Dez. 2019].

Уместно выделить три основные группы задач:

1) установление новых сроков имплементации положения миротворческого блока договоренностей «Минск-2» – установление «режима тишины», т.е. полное прекращение огневых контактов сторон конфликта к концу 2019 г. (что признавалось А. Меркель как весьма амбициозная цель); завершение разминирования бывшей зоны боевых действий – к концу 2020 г. [Pressekonferenz 2019]. Здесь реализовывалась уже ранее неоднократно апробированная переговорная схема: перенос срока выполнения положений «Минска-2» при неизменности их содержания. Были определены также три дополнительных пункта разведения сторон к марту 2020 г. – станция Луганская, Золотое и Петровское [Pressekonferenz 2019]. Таким образом продолжал реализовываться принцип создания новых точек и секторов в линии соприкосновения, свободных от войск с обеих сторон, с целью полного освобождения таковой. При этом А. Меркель подчеркнула практическую важность деятельности мониторинговой миссии ОБСЕ, а также переход ее к работе по формуле 24 / 7, т.е. без праздников и выходных; кроме того была обозначена необходимость наращивания ее профильных технических возможностей [Pressekonferenz 2019];

2) выполнение политического блока «Минска-2» на основе «формулы Штайнмайера» (выработанной экс-главой МИД ФРГ в сентябре–декабре 2015 г.). Речь шла о выступлении в силу на временной основе закона Украины об особом статусе территорий ДНР и ЛНР в день (т.е. *одновременно с фактом*) проведения на них местных выборов. В случае признания независимыми наблюдателями (в том числе, от ОБСЕ) выборов честными и прозрачными начинается реализация данного документа. А. Меркель подчеркнула, что эти вопросы являются наиболее сложными, признав тем самым, что продвижение в этой области минимально [Pressekonferenz 2019];

3) обмен пленными сторонами по формуле «всех на всех» до конца 2019 г. [Pressekonferenz 2019].

Особо была оговорена необходимость дальнейшей активизации работы «Нормандской четверки» со сроком проведения ее нового саммита в течение четырех месяцев, т.е. в марте 2020 г. [Pressekonferenz 2019].

Каковы результаты данного направления российско-германского взаимодействия? С одной стороны, сам факт перезапуска «Нормандского формата» и настоящая заинтересованность в продолжении его деятельности (в том числе на фоне фактического прекращения работы миссии К. Волкера с отзывом последнего) со стороны как Германии и Франции, так и России вызывает определенный оптимизм. Риск возвращения к состоянию «горячей войны» на востоке Украины продолжает сохраняться на среднем, не самом высоком уровне. С другой стороны, на практике из всех основных положений, согласованных на встрече 9 декабря 2019 г., было реализовано лишь одно – о раз-

мене «всех на всех». С точки зрения автора, ключевая причина тому – активное маневрирование официального Киева в вопросах выполнения «Минска-2» уже при администрации президента Зеленского. Таким образом, российско-германское взаимодействие по урегулированию вооруженного конфликта на востоке Украины можно охарактеризовать схемой: движение вперед (притом со значительной перспективой) – вновь торможение, но с признаками поиска выхода из создавшейся ситуации. Аналогичным образом выглядит и вновь возникшая на рубеже 2010–2020-х годов кооперация ФРГ и РФ на ливийском направлении.

Берлинская конференция (2020): Начало «входа» ФРГ в «ливийский вопрос»?

На протяжении практически всего десятилетия 2010-х годов Германия принимала весьма ограниченное, по сути точечное, участие в поиске решений «ливийского вопроса» – обеспечения возвращения территории этой страны Северной Африки к состоянию постконфликтного стабильного развития. В данной связи возникали два вопроса: чем объяснялась позиция официального Берлина? И носила ли данная тактика дистанцирования среднесрочный или долгосрочный характер?

С точки зрения автора, уместно выделить три основные причины представленной линии ФРГ. *Во-первых*, официальный Берлин тем самым ненавязчиво демонстрировал, что он не несет ответственности за обрушение института государственной власти в Ливии. В условиях возникновения и развития гражданской войны в Ливии (с 2011 г.) Франция и Великобритания, поддерживаемые администрацией Б. Обамы, поставили вопрос об оказании военно-силового давления на власти Джамахирии во главе с М. Каддафи. 18 марта 2011 г. на голосование в Совете Безопасности ООН был поставлен вопрос об установлении бесполетной зоны над Ливией. Германия, на тот момент являвшаяся непостоянным членом данной структуры, единственной из западных стран, представленных в ней, демонстративно воздержалась от голосования по проекту резолюции 1973 [Арзаманова 2011, с. 11]. Тем самым германское правительство направляло «сигнал» о неготовности к прямому военному участию в планируемой боевой операции. При этом в отличие от ситуации вокруг Ирака (2003), в принципе не стоял вопрос о возможной блокаде Германией механизма НАТО для его возможного военного-силового использования. Тем самым официальный Берлин оказывал условную политическую поддержку государствам – партнерам по Альянсу. Выражалась она в дипломатическом признании и в оказании экономической помощи, считавшейся умеренной, оппозиции режиму М. Каддафи [Pinfari 2012, p. 42–43]. Позднее это трансформировалось в поддержку Правительства национального

согласия (ПНС) во главе с Ф. Сараджем. Следовательно, сделав заявку на обеспечение политических позиций в Ливии на перспективу, ФРГ формально сняла с себя ответственность за физическое уничтожение лидера Джамахирии и последующую деградацию системы государственной власти в стране. Это обеспечивало важное имиджевое преимущество Германии перед Францией, Великобританией и Италией при развитии диалога с руководством стран Северной и Северо-Западной Африки.

Во-вторых, в условиях крайне нестабильной обстановки внутри Ливии, проникновения на территорию этой страны и усиления боевиков «Исламского государства»⁴ и «Аль-Каиды», официальный Берлин не демонстрировал готовности в принципе идти на сколько-нибудь активное наземное использование сил бундесвера для решения миротворческих задач. В целом германская сторона придерживалась принципа «стратегической сдержанности», что означало использование взвешенного подхода к применению войск вне зоны ответственности НАТО. В частности, речь шла об отказе от использования бундесвера в тех операциях, где существовал риск втягивания его в полномасштабные боевые действия, сопровождаемые существенными потерями, и, соответственно, отзывом мандата Бундестага. Показателем в связи с этим пример Сомали. Не желая принимать участие ни на одной из сторон в гражданской войне «всех против всех», в 1993 г. Германия поспешила досрочно вывести наземный контингент из состава сил UNOSOM II (1993). С начала 2000-х годов ФРГ вновь подключилась к решению «сомалийской проблемы», но резко изменила формы использования бундесвера: акцент был сделан на развертывание военно-морских группировок (во главе с западной антитеррористической коалицией – 2002–2013 гг.; ЕС – с 2008 г.). Следует заметить, что наземные операции или вовсе не проводились, или были минимальными (не более 20 офицеров и солдат, во главе с ЕС, в 2010–2017 гг.), ограничиваясь лишь решением военно-тренировочных, но отнюдь не масштабных миротворческих задач. Подобный метод был использован и в отношении Ливии: ФРГ силами ВМС принимала участие в операции ЕС «Sophia» (в 2012–2019 гг.), целью которой являлось пресечение неконтролируемых потоков беженцев из Африки и Ближнего Востока, в том числе через «ливийскую дверь», возникшую после падения Джамахирии. При этом в данном случае, в отличие от Сомали, ФРГ не пошла на развертывание даже точечной военно-тренировочной миссии, что свидетельствовало о том, что дееспособность властей в Триполи рассматривалась даже ниже (!), чем в Могадишо.

4. *Запрещенная в России террористическая организация.*

Наконец, *в-третьих*: в 1990–2000-е годы в рамках реализации ФРГ политико-военной стратегии на мировой арене странам Северной Африки в целом и Ливии, в частности, уделялось даже меньше внимания, чем, например, Афганистану, Ираку или Сомали – государствам, существенно более удаленным от Евро-Атлантического сообщества. Почему? Страны – участницы ЕС – прежде всего Франция, стремящаяся к развитию тандема с Германией, – традиционно имели разветвленные контакты в политико-военной области со странами Магриба, большинство из которых к началу 2010-х годов считались стабильными. «Арабское пробуждение» привело не только к дестабилизации в той или иной степени государств Северной Африки (вплоть до возникновения риска обрушения государственности в принципе – как это имело место в Ливии), но и временной деградации отношений части из них (Египет при «раннем» А.-Ф.Х. Ас-Сиси – 2013–2015) с Евро-Атлантическим сообществом. Миграционный кризис 2015–2016 гг. и тесно связанная с ним активизация структур международного терроризма высветили особую геополитическую значимость Северной Африки для Германии и ее партнеров.

Логичной в связи с этим стала интенсификация диалога с Тунисом, Египтом (после прихода к власти Ас-Сиси) и Алжиром – в том числе с целью координации усилий с ними (особенно последним) для урегулирования вооруженного конфликта в Мали – страны, игравшей роль «ворот» для притока масс беженцев и мимикрировавших под них террористов в сторону Европы. Параллельно германская дипломатия зондировала почву на предмет оказания помощи в решении «ливийской проблемы» [Pressekonferenz 2018]. Данная задача была одной из актуальных и в ходе турне А. Меркель по странам Сахеля в начале мая 2019 г.

Эта тенденция позволяет дать ответ на второй вопрос. На деле официальный Берлин был заинтересован в отказе от тактики дистанцирования от «ливийского вопроса», однако долго (до 2019 г.) не мог найти необходимого решения. Поиск перешел в наиболее активную фазу с сентября 2019 г., когда Ведомство федерального канцлера и МИД ФРГ начали подготовку международной конференции по Ливии. Подготовка к работе конференции потенциальных стран-участниц параллельно происходила по нескольким направлениям⁵: державы НАТО (прежде всего, Франция и Италия, а также США и Великобритания), наиболее заинтересованные и влиятельные игроки из числа стран Ближнего Востока и Африки (Турция, ОАЭ, Египет, Алжир и ДРК), а также КНР (см.: [Waffenruhe für Libyen 2020]). Параллельно в проработку схемы и повестки дня переговорного процесса были вовлечены профильные планетарные (ООН) и региональные (ЕС и Европейский совет, Лига арабских

⁵ См. информацию с сайта Ведомства федерального канцлера (<https://www.bundesregierung.de>).

государств, Африканский союз) структуры (см.: [Waffenruhe für Libyen 2020]). Соответственно, в данном случае официальный Берлин стремился использовать возможности «треугольника» ЕС-ООН-АС с возможностью его трансформации в случае тактической необходимости до «четырёхугольника» (еще одной вершиной которой становилась ЛАГ). При этом особое место в рассматриваемой деятельности ФРГ играли попытки сотрудничества с Россией по ливийскому треку одновременно с развитием взаимодействия по украинскому, о чем, например, свидетельствовало содержание телефонных переговоров А. Меркель и В.В. Путина 11 ноября 2019 г. [Bundeskanzlerin Merkel telefoniert 2019a]. В окончательном виде была согласована схема взаимодействия двух держав в ходе рабочего визита канцлера в Москву 11 января 2020 г. [Bundeskanzlerin Merkel reist nach Moskau, 2020]. Примечательно, что на пресс-конференции по итогам переговоров на высшем уровне оба лидера осветили ливийскую проблематику еще до сирийской и украинской (см.: [Pressekonferenz 2020]). Канцлер ФРГ приветствовала призыв России и Турции к прекращению огня в Ливии от 8 января 2020 г. [Pressekonferenz 2020]. А уже 13 января 2020 г. в Москву прибыли руководители конфликтующих сторон – Правительства национального согласия (Ф. Сарадж) и Ливийской национальной армии (ЛНА; Х. Хафтар), а также глава высшего государственного совета страны Х. аль-Мишри. И хотя их прямой контакт не состоялся, а итоговый документ с фиксированием обязательств по прекращению огня не был подписан [Мирные переговоры по Ливии 2020], эта встреча создала основу для успешного проведения Берлинской конференции 19 января 2020 г. Совокупность представленных факторов позволяет охарактеризовать кооперацию РФ и ФРГ на ливийском направлении в начале 2020 г. понятием «сотрудничество». Интересно, что именно в ходе рабочего визита в Москву 11 января 2020 г. канцлер ФРГ обозначила окончательную схему состава будущей конференции: пять постоянных членов Совета Безопасности, ФРГ, а также круг заинтересованных региональных игроков [Pressekonferenz 2020].

Переговорная «связка» В.В. Путин – А. Меркель сыграла исключительную роль в достижении договоренностей на Берлинской конференции от 19 января 2020 г. (см.: [Waffenruhe für Libyen 2020]). В ходе нее удалось не просто обеспечить прямой диалог между главами ПНС и ЛНА, но и обеспечить достижение де-юре оформленных договоренностей о прекращении огня в Ливии. Контроль над этим возлагался на профильный орган, комплектуемый по схеме «5+5», т.е. с равным долевым участием ПНС и ЛНА. Особо подчеркивалась необходимость регулярного (как минимум ежемесячного) многостороннего взаимодействия на различных уровнях для обеспечения развития межливийского диалога. Особо подчеркивалась необходимость установления полного эмбарго на поставки вооружений и военной техники (ВиВТ) в Ливию [там же]. Берлинская конференция оказалась выигрышной для истеб-

лишмента ФРГ сразу в двух основных отношениях. Во-первых, это позволило приостановить относительно успешное наступление войск Х. Хафтара на позиции Правительства национального согласия в Триполи. Для Германии, имеющей официальные отношения с последним, возникала также «ловушка» различий между ее союзниками: так, англосаксонские державы, а также Алжир и Тунис (практическая ценность которых как партнеров ФРГ к началу 2020-х годов резко возросла), поддерживали ПНС, а Франция и ряд значимых для Германии ближневосточных игроков (включая КСА, ОАЭ и Израиль) – напротив, ЛНА. Этот фактор еще более усложнял для Германии задачу выхода на «ливийское поле», поскольку, хотя она и оказывала поддержку ПНС, отнюдь не была готова игнорировать интересы группы стран, поддерживающих ЛНА. Во-вторых, ФРГ постаралась извлечь максимум преимуществ – прежде всего, имиджевых и политико-дипломатических – из того факта, что формально именно на Берлинской конференции был осуществлен перезапуск (а де-факто запуск) процесса урегулирования вооруженного конфликта в Ливии как части усилий по возвращению Северной Африки на путь стабильного развития.

Соответственно, успех переговоров 19 января 2020 г. обеспечил не просто включение ФРГ в процесс поиска решений «ливийского вопроса», но занятие позиций, сопоставимых с другими игроками, уже длительное время действующими на данном направлении. Став в авангарде усилий под эгидой ООН и ЕС (а также АС и ЛАГ) по созданию реально действующего режима эмбарго ВиВТ в Ливию, Германия попыталась купировать переброску туда турецких наемников и их оснащения – этот вопрос был поставлен А. Меркель в ходе ее переговоров с президентом Р.-Т. Эрдоганом уже 24 января 2020 г. [Pressekonferenz 2020a]. Вслед за этим официальный Берлин стал пытаться осуществлять «челночную дипломатию» в условиях «пробуксовывания» полного выполнения договоренностей от 19 января 2020 г. внутриливийскими сторонами (особенно ПНС). Так, 10 марта 2020 г. А. Меркель провела прямые переговоры с Х. Хафтаром [Bundeskanzlerin Merkel trifft 2020], а 12 марта 2020 г. созвонилась с Ф. Сараджем [Bundeskanzlerin Merkel telefoniert 2020], помогая им искать точки соприкосновения и подчеркивая неприемлемость возобновления полномасштабных боевых действий. Тем самым официальный Берлин небезуспешно балансировал между двумя группами своих союзников и партнеров, соответственно поддерживающих ПНС и ЛНА.

22 апреля 2020 г. бундестаг ФРГ одобрил использование контингента бундесвера с «потолком» в 0,3 тыс. военнослужащих для использования в операции под эгидой ЕС IRINI, направленной на мониторинг режима соблюдения эмбарго на поставки ВиВТ в Ливию. Планировалось, что в первой фазе (до августа 2020 г.) Германия будет вести лишь воздушную разведку, а в последующем начнется привлечение ВМС (прежде всего, фрегатов) как средств

ва пресечения перевозок оружия через акваторию Средиземного моря [Fragen und Antworten 2020]. Принятие этого решения ознаменовало собой новый этап участия ФРГ в решении «ливийского вопроса», с применением бундесвера, при последовательной демонстрации приверженности принципу «стратегической сдержанности». Более позднее (через четыре месяца после начала использования разведывательных самолетов) подключение ВМС объяснялось стремлением предварительно обеспечить обнуление (или как минимум резкое сокращение объемов) перевозок оружия и контингентов военных Турцией для поддержки ПНС. Учитывая непростое положение дел в германотурецких отношениях, ФРГ стремилась избежать резкого кризиса в диалоге с официальной Анкарой.

Вновь следует отметить, что резко возросшая активность Германии на ливийском направлении с конца января 2020 г. базировалась на успешном исходе Берлинской конференции, что, в свою очередь, было бы невозможно без активной поддержки России. Однако в феврале–апреле 2020 г. наблюдался спад в их взаимодействии на ливийском направлении. Ключевая причина тому – стремление ФРГ к максимальному использованию выгод, созданных Берлинской конференцией, в свою пользу: интересно, что уже при ее освещении Ведомство федерального канцлера не отметило факт прямой связи с переговорами в Москве 13 января 2020 г. (см.: [Waffenruhe für Libyen 2020]). Стремясь компенсировать дистанцирование от решения «ливийской проблемы» в 2010-е годы, Германия позиционировала себя как максимально влиятельного игрока на данном направлении, вновь не используя в должной мере потенциала взаимодействия с РФ, что проявилось и при развитии контактов с Турцией, и при выполнении функций «челночной дипломатии» между ПНС и ЛНА.

Вместе с тем уже в феврале-марте 2020 г. наблюдалось «пробуксовывание» процесса имплементации решений Берлинской конференции. Преодоление этой трудности, сохранение которой рискует перевести «ливийский вопрос» в разряд «застарелых» и потому существенно более сложно урегулируемых в принципе, не может быть обеспечено без активизации сотрудничества с Россией.

* * *

Эффект «глобального замирания», вызванный распространением эпидемии COVID-19, оказал соответствующее воздействие на развитие ситуации в зонах ключевых вооруженных конфликтов. Это открыло возможность для детальной инвентаризации обстановки и поиска «прорывных решений». Безусловно, магистральный фактор, ограничивающий практические возможности взаимодействия Германии и России в области урегулирования вооруженных конфликтов продолжает оставаться неизменным. В связи с этим следует

отметить, что «идлибская проблема», заключающая в себе неготовность ФРГ и стран Запада и особенно условно примыкающей к ним Турции согласиться с разгромом военизированных сил оппозиции (лишь часть из которой можно отнести к «умеренной») продолжала оставаться основным «камнем преткновения» в германо-российском взаимодействии по Сирии на рубеже 2010–2020-х годов (см.: [Pressekonferenz 2020]). В этот период на афганском направлении взаимодействие РФ и ФРГ фактически было сведено к минимуму – показательно, что оно даже не упоминалось сторонами в качестве аспекта их кооперации [см.: там же]. Германия продемонстрировала заинтересованность в сохранении своего политико-военного присутствия в Афганистане в условиях усиления позиций в нем Талибана и, наоборот, ослабления таковых у официального Кабула. Однако даже на фоне существенного ухудшения отношений с США в период президентства Д. Трампа, администрация которого стала налаживать диалог с талибами де-факто без сколько-нибудь активного участия партнеров по НАТО, Германия не стала использовать потенциал отношений с РФ для поиска контактов с Талибаном.

Драйверами развития взаимодействия двух держав в области урегулирования вооруженных конфликтов на рубеже 2010–2020-х годов оказались украинское (уже бывшее таковым в 2014–2016 гг.) и ливийское (в этом отношении новое) направления. При этом резкий взлет объемов кооперации ФРГ и РФ оказался кратковременным (ноябрь 2019 – январь 2020 г.). С точки зрения автора, по мере преодоления пандемии коронавируса с ее эффектом «глобального замирания», взаимодействие сторон в исследуемой области вновь существенно активизируется по сравнению со второй половиной 2010-х годов, хотя и продолжит носить зигзагообразный характер. Причиной предполагаемого роста объемов и результативности кооперации официального Берлина с Россией следует признать исключительную заинтересованность сторон в реальном уменьшении рисков. Прежде всего, проактивная линия важна для германского истеблишмента, для которого новая потеря электоральной поддержки на запланированных на 2021 г. выборах критична. Стратегическая причина видится в последовательной реализации Германией линии на достижение статуса полновесной глобальной державы. Решение данной задачи невозможно без выхода на качественно иной уровень взаимоотношений с другими мировыми державами – в том числе, расположенными вне Евро-Атлантического сообщества. Так, исключительные успехи германской дипломатии на рубеже 2010–2020-х годов, особенно на ливийском направлении, были в первую очередь обеспечены взаимодействием с Россией.

Библиография

Арзаманова Т.В. Позиция Германии во время ливийского кризиса-2011: Новая внешнеполитическая стратегия или предвыборный маневр? // Европейская безопасность: События, оценки, прогнозы. 2011. № 26 (42). С. 11–15.

Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 г. // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. М.: Международные отношения, 1991. Вып. XLVII. С. 34–37.

Мирные переговоры по Ливии в Москве сорвались // Lenta.ru. 2020. 13 янв. URL: <https://lenta.ru/news/2020/01/13/sarra> (дата обращения: 26.04.2020).

Послание Президента Федеральному Собранию. Москва, 15 января 2020 года // Президент России: Официальный сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 26.04.2020).

Фалин В.М. Без скидок на обстоятельства. Политические воспоминания. М.: Центрполиграф, 2016. 447 с.

Anzahl der internationalen Einsätzen beteiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr // Statista. 2019. Jan. 13. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/> (дата обращения: 20.01.2020).

Asseburg M., Lacher W., Transfeld M. Mission Impossible? UN Mediation in Lybia, Syria and Yemen. Berlin: German Institute for International and Security Affairs, 2018. 64 p. URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/research_papers/2018RP08_Ass_EtAl.pdf (дата обращения: 20.01.2020).

Außenminister Steinmeier zu Ost-Aleppo: Blockaden der Evakuierung umgehend beenden // Auswärtiges Amt. 2016.16.12. URL: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Infoservice/Presse/Meldungen/2016/161217_BM_Ost_Aleppo.html (дата обращения: 26.04.2020).

Brussels Summit Declaration. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Brussels 11–12 July 2018 // North Atlantic Treaty Organization: Official Website. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm (дата обращения: 26.04.2020).

Bundeskanzlerin Merkel reist nach Moskau // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2020. Jan. 6. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-reist-nach-moskau-1710156> (дата обращения: 26.04.2020).

Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem französischen Präsidenten Macron und dem russischen Präsidenten Putin // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2019. Mai 21. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-telefoniert-mit-dem-franzoesischen-praesidenten-macron-und-dem-russischen-praesidenten-putin-1613696> (дата обращения: 26.04.2020).

Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem russischen Präsidenten Wladimir Putin // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2019a. Nov. 11. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-telefoniert-mit-dem-russischen-praesidenten-wladimir-putin-1690754> (дата обращения: 26.04.2020).

Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem Vorsitzenden des libyschen Präsidialrates, Fayez al-Sarraj // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2020. März 12. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-telefoniert-mit-dem-vorsitzenden-des-libyschen-praesidialrates-fayez-al-sarraj-1730094> (дата обращения: 26.04.2020).

Bundeskanzlerin Merkel trifft General Chali-fa Haftar // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2020. März 10. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-trifft-general-chalifa-haftar-1729592> (дата обращения: 26.04.2020).

Einigung auf Berliner Libyen-Konferenz erzielt. Waffenruhe für Libyen // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2020. Jan. 19. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/libyen-konferenz-in-berlin-1712310> (дата обращения: 26.04.2020).

Ergebnisse der Bundestagswahlen. 2019 // Wahlrecht. URL: <http://www.wahlrecht.de/ergebnisse/bundestag.htm> (дата обращения: 26.04.2020).

Fisher S. Der Donbas-Konflikt. Wiederstreitende Narrative und Interessen, schwieriger Friedensprozess. Berlin: Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit. 2019. 42 S. URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/studien/2019S03_fhs.pdf (дата обращения: 26.04.2020).

Fragen und Antworten zur Operation Irini. Waffenembargo gegen Libyen durchsetzen // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2020. April 22. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/operation-irini-1745506> (дата обращения: 26.04.2020).

Pinfari M. Tunisia and Lybia // The European Union and the Arab Spring. Lexington: Lexington books, 2012. P. 33–48.

Pressekonferenz von BK'in Merkel, Präsident Macron, Präsident Putin und Präsident Selensky // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2019. Dez. 9. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bk-in-merkel-praesident-macron-praesident-putin-und-praesident-selensky-am-9-dezember-2019-1705200> (дата обращения: 26.04.2020).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem algerischen Premierminister Ahmed Ouyahia in Algier // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2018. Sept. 17. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-algerischen-premierminister-ahmed-ouyahia-1523382> (дата обращения: 26.04.2020).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem Präsidenten von Russland, Wladimir Putin in Moskau // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2020. Jan. 11. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-praesidenten-von-russland-wladimir-putin-1711802> (дата обращения: 26.04.2020).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und Präsident Erdoğan // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2020a. Jan. 24. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-praesident-erdogan-am-24-januar-2020-1715978> (дата обращения: 26.04.2020).

Remarks by President Trump on Iran // Whitehouse.gov: Official Website. 2020. Jan. 8. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-iran> (дата обращения: 26.04.2020).

Stewart S. Die Zukunft der Minsker Vereinbarung // Stiftung Wissenschaft und Politik (SWP-Aktuell). 2016. N 12. 4 S.

Waffenruhe für Libyen // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2020. Jan. 19. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/libyen-konferenz-in-berlin-1712310> (дата обращения: 26.04.2020).

Wales Summit Declaration. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Wales // North Atlantic Treaty Organization: Official Website. 2014.05.09. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm (дата обращения: 20.01.2020).

Warsaw Summit Communiqué. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Warsaw 8–9 July 2016 // North Atlantic Treaty Organization: Official Website. 2016.09.07. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm (дата обращения: 20.01.2020).

Weißbuch 1971 / 1972 zur Sicherheit der Bundesrepublik Deutschland und zur Entwicklung der Bundeswehr / im Auftr. der Bundesregierung hrsg. vom Bundesminister der Verteidigung; Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. Bonn: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 1972. 228 S.

References

Anzahl der internationalen Einsätzen beteiligten deutschen Soldaten der Bundeswehr. Statista. 2019. Jan. 13. URL: <https://de.statista.com/statistik/daten/studie/72703/umfrage/anzahl-der-soldaten-der-bundeswehr-im-ausland/> (date of access: 20.01.2020).

Arzamanova T.V. Pozicija Germanii vo vremja livijskogo krizisa-2011: Novaja vneshnepoliticheskaia strategija ili predvybornyj manevr? Evropejskaja bezopasnost': Sobytija, ocenki, prognozy [Germany's position during the Libyan crisis-2011: A new foreign policy strategy or an election maneuver? European Security: Events, estimates, forecasts]. 2011. N 26 (42). P. 11–15. (In Russ.)

Asseburg M., Lacher W., Transfeld M. Mission Impossible? UN Mediation in Lybia, Syria and Yemen. Berlin: German Institute for International and Security Affairs, 2018. 64 P. URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/research_papers/2018RP08_Ass_EtAl.pdf (date of access: 20.01.2020).

Außenminister Steinmeier zu Ost-Aleppo: Blockaden der Evakuierung umgehend beenden. Auswärtiges Amt. 2016.16.12. URL: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Infoservice/Presse/Meldungen/2016/161217_BM_Ost_Aleppo.html (date of access: 26.04.2020).

Brussels Summit Declaration. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Brussels 11–12 July 2018. North Atlantic Treaty Organization: Official Website. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm (date of access: 26.04.2020).

Bundeskanzlerin Merkel reist nach Moskau // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2020. Jan. 6. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-reist-nach-moskau-1710156> (date of access: 26.04.2020).

Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem französischen Präsidenten Macron und dem russischen Präsidenten Putin // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2019. Mai 21. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-telefoniert-mit-dem-franzoesischen-praesidenten-macron-und-dem-russischen-praesidenten-putin-1613696> (date of access: 26.04.2020).

Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem russischen Präsidenten Wladimir Putin // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2019a. Nov. 11. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-telefoniert-mit-dem-russischen-praesidenten-wladimir-putin-1690754> (date of access: 26.04.2020).

Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem Vorsitzenden des libyschen Präsidialrates, Fayez al-Sarraj // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2020. März 12. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-telefoniert-mit-dem-vorsitzenden-des-libyschen-praesidialrates-fayez-al-sarraj-1730094> (date of access: 26.04.2020).

Bundeskanzlerin Merkel trifft General Chali-fa Haftar // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2020. März 10. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/bundeskanzlerin-merkel-trifft-general-chalifa-haftar-1729592> (date of access: 26.04.2020).

Dogovor ob okonchatel'nom uregulirovanii v otnoshenii Germanii ot 12 sentjabrja 1990 g. Sbornik mezhdunarodnyh dogovorov SSSR i Rossijskoj Federacii [Treaty on the Final settlement with Respect to Germany, 12 September 1990. The Bulletin of international agreements signed by the USSR and Russian Federation]. Moscow: Mezhdunaridnyie otnochnyia, 1994. Vol. XLVII. P. 34–37. (In Russ.)

Einigung auf Berliner Libyen-Konferenz erzielt. Waffenruhe für Libyen // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2020. Jan. 19. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/libyen-konferenz-in-berlin-1712310> (date of access: 26.04.2020).

Ergebnisse der Bundestagswahlen. 2019. Wahlrecht. URL: <http://www.wahlrecht.de/ergebnisse/bundestag.htm> (date of access: 26.04.2020).

Falin V.M. Bez skidok na obstoyatelstva [No discount on circumstances. Political memories]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2016. 447 p. (In Russ.)

Fisher S. Der Donbas-Konflikt. Wiederstreitende Narrative und Interessen, schwieriger Friedensprozess. Berlin: Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit. 2019. 42 S. URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/studien/2019S03_fhs.pdf (date of access: 26.04.2020).

Fragen und Antworten zur Operation Irini. Waffenembargo gegen Libyen durchsetzen // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2020. April 22. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/operation-irini-1745506> (date of access: 26.04.2020).

Mirnyje peregovori po Livii sorvalis' [Free agreements on Lybia were failed]. Lenta.ru. 2020. 13 Jan. URL: <https://lenta.ru/news/2020/01/13/sarra> (date of access: 26.04.2020). (In Russ.)

Pinfari M. Tunisia and Lybia. The European Union and the Arab Spring. Lexington: Lexington books, 2012. P. 33–48.

Poslanije Prezidenta Federalnomu Sobniju. Moskva, 15 janvarja 2020 goda [The Address of Russian President to Federal Assembly. Moscow, 2020, Jan. 15]. President of Russia: Official Website. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582> (date of access: 26.04.2020). (In Russ.)

Pressekonferenz von BK'in Merkel, Präsident Macron, Präsident Putin und Präsident Selensky // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2019. Dez. 9. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bk-in-merkel-praesident-macron-praesident-putin-und-praesident-selensky-am-9-dezember-2019-1705200> (date of access: 26.04.2020).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem algerischen Premierminister Ahmed Ouyahia in Algier // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2018. Sept. 17. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-algerischen-premierminister-ahmed-ouyahia-1523382> (date of access: 26.04.2020).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem Präsidenten von Russland, Wladimir Putin in Moskau // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2020. Jan. 11. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-praesidenten-von-russland-wladimir-putin-1711802> (date of access: 26.04.2020).

Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und Präsident Erdoğan // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2020a. Jan. 24. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-praesident-erdoğan-am-24-januar-2020-1715978> (date of access: 26.04.2020).

Remarks by President Trump on Iran // Whitehouse.gov: Official Website. 2020. Jan. 8. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-iran> (date of access: 26.04.2020).

Stewart S. Die Zukunft der Minsker Vereinbarung // Stiftung Wissenschaft und Politik (SWP-Aktuell). 2016. N 12. 4 S.

Waffenruhe für Libyen // Die Bundesregierung: Offizielle Website. 2020. Jan. 19. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/libyen-konferenz-in-berlin-1712310> (date of access: 26.04.2020).

Wales Summit Declaration. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Wales. North Atlantic Treaty Organization: Official Website. 2014.05.09. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm (date of access: 20.01.2020).

РОССИЯ И МИР В XXI ВЕКЕ

Warsaw Summit Communiqué. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Warsaw 8–9 July 2016 // North Atlantic Treaty Organization: Official Website. 2016.09.07. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm (date of access: 20.01.2020).

Weißbuch 1971 / 1972 zur Sicherheit der Bundesrepublik Deutschland und zur Entwicklung der Bundeswehr / im Auftr. der Bundesregierung hrsg. vom Bundesminister der Verteidigung; Presse- und Informationsamt der Bundesregierung. Bonn: Presse- und Informationsamt der Bundesregierung, 1972. 228 S.